

ФОЛЬКЛОР ЗАОНЕЖЬЯ

Т. Г. ИВАНОВА
Санкт-Петербург

Заонежская былинная традиция и проблема географического распространения былин

Проблема географического распространения былин привлекает к себе внимание фольклористов более столетия. Уже открыватели олонцкого очага старин Рыбников и Гильфердинг задавались вопросом, почему эпическая традиция сохранилась именно в этом регионе. Причину консервации былин в Заонежье видели в особой поэтической одаренности местных жителей (П.Н.Рыбников); в "свободе и глуши" края, оторванности его от крупных промышленных центров (А.Ф.Гильфердинг); в неграмотности населения (А.Ф.Гильфердинг); в отсутствии здесь крепостного права (А.Ф.Гильфердинг, А.М.Астахова). Довод об особой поэтической одаренности олончан, очевидно, не может быть принимаем всерьез. Ссылки на глушь и оторванность Заонежья от промышленных центров также несостоятельны. Петрозаводск с самого начала его возникновения был крупным промышленным центром и к нему тянулись все обонежские погосты. Заонежане экономически были тесно связаны также с Петербургом. Этнографической литературе хорошо известно, что некоторые из сказителей неоднократно с обозами рыбы бывали в столице. Что касается неграмотности, то исследования показали, что

грамотных крестьян в процентном отношении на Русском Севере было гораздо больше, чем в центральных районах, где песенный эпос не зарегистрирован. Отсутствие или наличие крепостного права также не может быть абсолютизирующим фактором: эпос к XIX в. сохранился не только на Русском Севере, не знавшем крепостного права, но и в Поволжских губерниях, где была крепостническая форма хозяйствования.

В 1894 г. В.Ф.Миллер в своей статье "Наблюдения над географическим распространением былин"¹ предложил так называемую "новгородскую теорию". Суть концепции ученого сводится к следующему: былины сохранились в тех регионах, которые подверглись новгородской колонизации; "низовская" колонизация (иначе: ростовская, верхневолжская, московская) былин с собой не несла. Эта точка зрения получила поддержку в обстоятельной монографии С.И.Дмитриевой². Данную гипотезу полностью разделяет также С.Н.Азбелев³.

При всей серьезности и аргументированности "новгородская теория" имеет свои уязвимые стороны. Во-первых, уж коли былины распространялись по Руси с новгородскими потоками переселенцев, то почему же тогда эпос не сохранился в самом Новгороде и в непосредственно близких от него регионах? Во-вторых, если сибирские былинные очаги еще можно связать с новгородской колонизацией (хотя это положение и может быть оспорено), то поволжские эпические регионы с середины XVI в. заселялись, без сомнения, выходцами из самых разных уголков Московской Руси. Это были служилые люди, составлявшие военные гарнизоны новых крепостей-городков на Волге, должностные укреплять власть Москвы во вновь отвоеванных землях. Сюда же от крепостной кабалы бежало население из центра страны. С конца XVII в. правительство стало селить здесь помещиков, которые целыми деревнями переводили на Волгу своих крепостных⁴. О целенаправленном новгородском колонизационном потоке в XVI в., а тем более в XVII в. (Новгород к этому времени давно утратил свое могущество!) говорить

---

¹ Миллер В.Ф. Наблюдения над географическим распространением былин // Журнал министерства народного просвещения. 1894. № 5. С. 43–77.

² Дмитриева С.И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX – начала XX в. М., 1975. См. также: Дмитриева С.И. В.Ф.Миллер о географическом распространении былин и современное состояние проблемы // Русский фольклор: Эпические традиции. СПб., 1995. Т. 28. С. 45–61.

³ Азбелев С.Н. Былина: Новые книги // Русский фольклор. Л., 1977. Т.17. С.176–178.

⁴ Астахова А.М. Былинная традиция в Поволжье // Русская народная поэзия. Горький, 1961. С. 45 (Фольклористические записки Горьковского университета. № 1).

не приходится. Казачьи же очаги былин (Дон, Яик, Терек) явно выпадают из "новгородской теории".

В последние годы "новгородская теория" неоднократно подвергалась сомнению. Так, против нее выступил в одной из своих статей Ю.А.Новиков⁵, критически пересмотревший многие математические выкладки С.И.Дмитриевой и выдвинувший положение о неравномерности затухания эпоса в разных регионах. В 1990–1993 гг. на страницах журнала "Советская этнография" ("Этнографическое обозрение") были опубликованы материалы полемики между М.И.Васильевым и С.И.Дмитриевой⁶. М.И.Васильев также усомнился в новгородской концепции. Причиной консервации былин на Русском Севере исследователь полагает особый тип хозяйственной деятельности, присущий этому региону, а именно роль промыслов в жизни северян (рыбный, морской зверь). Эта идея не новая. Этнографическая литература имеет немало описаний промысловой избушки и старинщика, помогающего промысловикам коротать долгие вечера. Возможно, свое рациональное зерно в этой идее есть. Но опять-таки, чем же тогда объяснить сохранность эпоса в чисто земледельческих и крепостнических по своему характеру Саратовской и Самарской губерниях?

Очевидно, что необходимо найти нечто общее, что объединяло бы все былинные регионы (и относительно рано освоенный русскими европейский Север, и поздно заселенную Сибирь; и не знавшие крепостного права районы, и крепостные деревни Поволжья; и земледельческие губернии, и промысловые территории; и крестьянские уезды, и казачьи станицы) – в противовес небылинным. Это общее мы видим в том, что все былинные регионы являются зонами этнического пограничья, то есть районами, где русские в XIX в. или в недавнем прошлом находились в непосредственном контакте с представителями других этносов. Небылинными же регионами – центральными губерниями России – к XIX в. уже на протяжении нескольких столе-

---

⁵ Новиков Ю.А. Точку ставить рано... (О концепции новгородского происхождения русской былинной традиции) // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 19–41.

⁶ Васильев М.И. О причинах неравномерного географического распространения русских былин // Советская этнография. 1990. № 3. С. 78–83; Дмитриева С.И. Еще раз к вопросу о географическом распространении русских былин // Советская этнография. 1990. № 3. С. 83–94; Васильев М.И. О распространении былин на Русском Севере // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 97–109; Дмитриева С.И. Еще раз о судьбах русского эпоса // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 109–122.

гий были одноэтничными зонами, чисто русскими⁷.

Действительно, для сибирских былинных очагов наш тезис не требует доказательств. И на Алтае, и в Забайкалье, и в Русском Устье, где зафиксированы эпические песни, русские в XIX в. жили в плотном окружении местного аборигенного населения. Гребенские казаки, поселившиеся на Тереке с XVI в., находились в постоянных контактах с горскими народами Кавказа. Русский Дон с юга ощущал дыхание татарского Крыма; к тому же сюда периодически заходили кочевые калмыки. Река Яик, ставшая колыбелью уральских казаков, издавна была освоена все теми же восточными кочевыми народностями. Поволжье и по сей день – зона совместного проживания русских с мордвой, марийцами, татарами, чувашами. Печора, Мезень, Пинега – пограничье русских с коми.

В связи с отмеченной закономерностью необходимо напомнить одно забытое высказывание П.Н.Рыбникова, брошенное им вскользь в "Заметке собирателя". Называя Повенецкий уезд бедным в отношении хороших сказителей, собиратель противопоставляет ему соседние территории Олонецкой губернии: "Если в других местностях Олонецкого края сохранилось столько остатков богатьского эпоса, то тому причиною поэтическая природа жителей и их поселения на украине между Корелю и Чудью, где они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славном киевском и новгородском прошедшем"⁸. Эта мысль П.Н.Рыбникова кажется нам весьма плодотворной. В свое время В.Ф.Миллер в очерке "Наблюдения над географическим распространением былин" отнесся к названной идее П.Н.Рыбникова более чем скептически: "Близость к инородцам, будто бы побуждавшая русское население к сохранению памяти об эпической национальной старине, однако не вызвала таких же последствий во многих других губерниях, где русское население сталкивается с инородцами (Казанской, Оренбургской, Вятской и др.)"⁹. Однако мы полагаем, что именно обострение

---

⁷ Схожую идею высказывали Ю.И.Смирнов и В.Г.Смолицкий, обратившие внимание на то, что "былины чаще всего записывались на порубежьях XV–XVIII вв. Московского государства". "Похоже, – отмечали исследователи, – что на порубежьях создавались наиболее благоприятные условия для бытования эпической традиции, появление которой на каждом порубежье нельзя объяснить одним участием или влиянием новгородцев" (Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г. Новгород и русская эпическая традиция // Новгородские былины / Изд. подгот. Ю.И.Смирнов и В.Г.Смолицкий. М., 1978. С. 332).

⁸ Рыбников П.Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 50.

⁹ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. Т. 1. С. 72.

этнического самосознания переселенцев, входящих в контакт с местным (аборигенным) населением, является главной причиной более длительного (по сравнению с центром) сохранения былин в окраинных (пограничных) регионах.

Эпос, на наш взгляд, в эпоху устной культуры являлся одной из важнейших доминант в этническом самосознании человека. Принадлежность к тому или иному народу индивидуум, помимо всего прочего, определял своей исторической памятью (что я помню о своих предках), а память эта воплощалась в былевой песне, которая, кроме исторического заряда, несла в себе еще и эстетический. Именно поэтому былинам принадлежала особая роль в этническом самосознании человека (по сравнению, например, с историческими преданиями, в которых эстетическая функция значительно ослаблена).

Процесс распространения былин нам представляется следующим образом. Первоначальное ядро богатырских песен сформировалось в эпоху Киевской Руси на тех территориях, которые упоминаются в былинах: Киев ("Приезжал Одолище поганое в стольно-Киев-град"), Чернигов ("Под Черниговым силушки черным-черно" и эту силу побивает Илья Муромец), Новгород ("Во славном во Нове-граде" живут Василий Буслаевич и Садко). Киевско-Черниговский край на юге и Новгород на севере – это те земли, где в IX–X вв. происходил процесс консолидации славянских племен в единый древнерусский этнос.

Уже в XI в. границы Киевской Руси значительно отодвигаются на северо-восток: Муром с его финно-угорским племенем мурома, Ростов с летописной мерой, Суздаль. Эта территория, в значительной мере заселявшаяся новгородскими словенцами, которые к этому времени, по нашему мнению, уже знали былевой эпос, в XI в. (и, по-видимому, еще довольно длительное время) была для русских регионом этнического пограничья¹⁰. Из Новгорода и Киева (политически Ростовские земли очень долго были связаны с Киевом) древние русичи принесли с собой песенный эпос, который помогал переселенцам сохранять свое этническое "мы", отделять себя от местного (еще не христианского) населения. Важно подчеркнуть, что былинная традиция в этот период была в высшей степени динамичной системой. Новгородские (и киевские) переселенцы принесли в данный регион не *сложившийся*, а *складывающийся* эпос, предрасположенный к различного рода изменениям, трансформациям. Отсюда в тех былинах, которые мы знаем, Илья Муромец – родом

---

¹⁰ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 55–56.

из Мурома, а Алеша Попович – сын ростовского попа Леонтия. В выделении ростово-суздальского периода в жизни русского эпоса мы следуем за В.Ф.Миллером, Д.С.Лихачевым и В.П.Аникиным¹¹.

Владими́ро-Суздальская Русь оставила в былинной традиции весьма заметный след. Но в конце концов территория Ополя (Владимир, Суздаль, Ростов) была подвергнута полной ассимиляции со стороны древних русичей, и завершение этого процесса явилось предпосылкой к отмиранию эпической традиции в данном регионе. С.И.Дмитриева в своей монографии, кажется, ставит под сомнение само существование ростово-суздальского периода в жизни эпоса. Во всяком случае, исследовательница полагает, что уже в XIV–XV вв. (время интенсивной колонизации Русского Севера как новгородцами, так и ростово-суздальскими князьями) во Владимиро-Суздальских землях эпоса не существовало¹². Нам представляется процесс отмирания эпоса в этом регионе более длительным: не будем забывать, что еще в XV в. эти земли подвергались постоянным набегам со стороны Орды. Внутренние силы для возрождения после очередного набега народ черпал в том числе и в исторической памяти о своем великом прошлом. Ордынские нашествия – это тоже ситуации межэтнического пограничья, обострявшие национальное сознание наших предков. Поэтому на вопрос о том, несла ли "низовская" колонизация былинный эпос на Русский Север, мы отвечаем положительно. "Низовская" колонизация, шедшая одновременно с новгородской, как и последняя, способствовала распространению былевой традиции на Русском Севере.

Следующий после Владимиро-Суздальского княжества исторический центр русского народа – Москва. Сюда после трагических 1237–1238 гг., когда Батыем были сожжены города Владимиро-Суздальского княжества, бежало местное население. Без сомнения, во второй половине XIII в., когда во времена правления князя Даниила Александровича (сына Александра Невского) началось медленное выдвижение захолустного Московского княжества на первые роли в историческом процессе, Москва знала былинную традицию. Московский след в былинах можно найти, например, в упоминании в некоторых текстах об Илье Муромце "московских застав". Возникновение мощного пласта исторических песен XVI в. – "московских" по всем своим аксессуарам – нам представля-

---

¹¹ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. Т. 1. С. 95; Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962. С. 108–115; Аникин В.П. Русский богатырский эпос: Пособие для учителя. М., 1964.

¹² Дмитриева С.И. Географическое распространение русских былин... С. 41–42.

ется невозможным без их опоры на более раннюю эпическую традицию, восходящую к древнему Киеву. Интерес москвичей к эпическим песням, где пелось о Киеве, упоминались Ростов и Муром, обуславливался все тем же этническим самосознанием жителей города. Древнерусский город Москва строился на территории, задолго до русских заселенной финно-угорскими племенами. И, придя в эти земли, русские свою "инакость", отличающую их от местных жителей, выражали в том числе и в песенном эпосе. Однако "московский" период жизни былинной традиции имеет, на наш взгляд, существенное отличие от "ростово-суздальского": в Московское княжество второй половины XIII в. был занесен не *складывающийся*, а *сложившийся* эпос, во всяком случае – эпос, уже прошедший пик динамизма в своем развитии. Именно поэтому в былинах можно найти многочисленные косвенные свидетельства о московском быте XV–XVI вв., но нет ни одного героя, чья биография была бы связана народом с Москвой.

Таким образом, в своей территориальной экспансии русские на протяжении многих веков входили в контакты с другими народами. И каждый такой контакт неизбежно обострял национальное самосознание русских переселенцев, заставлял их сравнивать себя с представителями другого этноса и отстаивать свое собственное этническое "мы". Фактором же этого отстаивания, помимо всего прочего, являлся песенный эпос. По мере того, как вновь заселенная территория подвергалась полной ассимиляции со стороны русского народа, обостренность этнического самосознания у данной популяции ослабевала, что и становилось предпосылкой к затуханию былинной традиции в том или ином регионе.

Теперь обратимся к тому, как данная гипотеза работает на заонежском материале. Согласно исследованиям российских этнографов¹³, история заселения Заонежья представляется следующим образом. В I тыс. н.э. аборигенным населением региона были саамы, занимавшиеся охотой, рыболовством и собирательством; с IX в. здесь появились прото-вепсы, принесшие с собой подсечное и пашенное земледелие и скотоводство; с конца XII в. – предки карел с тем же типом хозяйствования; древнерусское же население из Новгород-Псковских земель в Заонежье проникает лишь со второй трети XIII в. Правда, церковные предания, не подтвержденные, однако, документально, относят основание православного Палеостровского монастыря преподобным Корнилием к концу

---

¹³ *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья X–XVII вв. М., 1962; *Агапитов В.А., Логинов К.К.* Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежье. Петрозаводск, 1992. С. 61–76.

XII в. Даже если это так, очевидно, что массовое заселение Заонежья древними русичами происходило многими десятилетиями позднее. Топонимика неоспоримо свидетельствует, что русские в этом регионе столкнулись с лопарями, вепсами и карелами. О том же говорят и письменные документы конца XIV – середины XV вв. В Купчей грамоте 1375 г. жителей Шуныги, Толвуя, Кузаранды, продающих землю Вяжецкому монастырю, среди имен продавцов встречаются явно нерусские имена местных старост: Оря, Стойвов, Игоча. Ту же картину можно отметить и по материалам Купчей грамоты 1464 г. Непосредственные контакты русских с карелами в Заонежье (соседствование в одной деревне русских и карельских семей, межэтнические браки, переселение карельских семей в русские деревни и наоборот и т. д.) остаются актуальными вплоть до конца XVII в. Напомним, что карельский этнос зародился в регионе к северо-западу от Ладожского озера (центры Тиверск, Корела, Лоппотти, Паасо), и расцвет древней карельской культуры приходился на XII–XIV вв. В 1617 г. по тяжелому для России Столбовскому миру, заключенному со Швецией, город Корела и уезд отошли Швеции. В результате этого около 50 тыс. карел покинули родные места и переселились в Россию: в Тверские, Новгородские земли, а также в хорошо знакомые карелам Заонежские и Лопские погосты¹⁴. Именно эта волна переселенческих потоков актуализировала давние контакты русских и карелов в Заонежье и тем самым неизбежно обострила национальное самосознание обоих народов в эту, довольно позднюю для развития русского эпоса (XVII в.), эпоху.

В дальнейшем на протяжении XVIII–XIX вв. происходила, с одной стороны, ассимиляция части карельского населения, с другой – стабилизировалась граница между поселениями русских и карел. "Этнографическая карта автономной Карельской социалистической советской республики", составленная Комиссией по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран и приложенная к труду Д.А.Золотарева "Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР"¹⁵ (1926), отражает четкое деление территории Карелии на две зоны: западную (заселенную карелами) и восточную (русскую). Границей между ними может служить железнодорожная ветка Петрозаводск–Мурманск. Таковы этнографические данные.

---

¹⁴ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983; *Кочуркина С.И.* Древние карелы. Петрозаводск, 1987.

¹⁵ *Золотарев Д.А.* Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. Л., 1926.

Примерно ту же самую картину рисуют и лингвисты. А.С.Герд в одной из своих статей выделяет следующие шесть периодов в лингвистической истории Заонежья: "1. Период в целом прибалтийско-финского ландшафта, возможно, не без элементов более глубоких доприбалтийско-финских субстратных влияний. 2. Период миграции носителей единого псковско-новгородского диалекта. 3. Период миграции носителей западнорусского (собственно псковского, позднее гдовского) диалекта. 4. Период возникновения развитых форм билингвизма, языкового и этнического скрещения, который начался почти одновременно со вторым. 5. Сосуществование рядом трех типов речи: прибалтийско-финской, восточнославянской и билингвизма. 6. Отмирание билингвизма, переход на восточнославянскую речь, рост восточнославянских инноваций – период формирования особого заонежского типа северно-русских диалектов"¹⁶.

Выделенный период билингвизма представляется нам чрезвычайно важным в вопросе о сохранении древнего эпоса. В этот период в наиболее яркой форме происходит противостояние двух этнических самосознаний. И одним из элементов, определяющих этническое "мы", для заонежан был эпос, несущий в себе историческую память народа о его прошлом. Мы думаем, что есть все основания предположить, что в период билингвизма у заонежан существовал, если можно так выразиться, "бифольклоризм": какая-то часть населения какой-то период являлась носителями двух разных фольклорных традиций – русской и карельской. Примеры единичных представителей такого "бифольклоризма" науке известны: например, знаменитый поморский сказочник Матвей Коргуев пел и русские былины, и карельские руны. Но период билингвизма ("бифольклоризма"), как и всякий другой переходный период, не мог существовать долго. В конце концов население Заонежья должно было определиться в своем этническом "мы". Среди многих факторов, решавших этот вопрос, определенное место принадлежало и эпосу. Заонежье выбрало былины; земли, находящиеся к западу от него, – руны.

Несколько слов скажем о том, как соотносится наша гипотеза с "новгородской теорией". Напомним, что средневековый Новгород очень долгое время был зоной этнических контактов русских с финно-уграми. Чудские имена и топонимы того же происхождения встречаются в русскоязычных берестяных грамотах Новгорода XIII–XIV вв.; известны

---

¹⁶ Герд А.С. К истории образования говоров Заонежья // Северно-русские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 212–213.

также новгородские берестяные грамоты, написанные по-карельски (например, знаменитая грамота с текстом карельского заговора)¹⁷. К тому же прибавим сюда интернациональный состав временного торгового населения Новгорода (город входил в Ганзейский союз). Таким образом, средневековый Новгород для своего времени отвечал всем условиям пограничной этнической зоны, которая обостряет этническое самосознание народа и сохраняет на своей территории древний эпос. Однако утрата Новгородом своего торгового значения (а значит, и потеря интернационального характера населения), довольно ранняя (по сравнению с окраинными Новгородскими землями Обонежской пятины и Заволочья) полная ассимиляция чудского населения – все это привело в конечном счете к тому, что Новгород много ранее своих северных окраин перестал быть очагом былинной традиции.

---

¹⁷ Карелы Карельской АССР. С. 74–75.